

Г. В. ПЛЕХАНОВ О РУССКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Выступив в качестве первого пропагандиста идей марксизма в России, Г. В. Плеханов уделил большое внимание разъяснению и обоснованию принципов исторического материализма. Отстаивая в борьбе против идеалистических взглядов народников материалистическое понимание истории, он, не ограничиваясь разъяснением общетеоретических положений, неоднократно обращался к анализу событий и процессов как мировой, так и русской истории. Плеханов первым в русской науке подошел к изучению ряда вопросов истории России с позиций исторического материализма. В последние годы жизни он даже предпринял попытку дать систематическое изложение своих взглядов на русскую историю в трехтомной работе «История русской общественной мысли».

Однако надо отметить, что уже в работах марксистского периода Плеханов неправильно понимал отдельные теоретические положения исторического материализма и различные явления русской истории. По мере отхода Плеханова от марксизма эти ошибки разрастались и увеличивались.

Еще в 1906 году В. И. Ленин указывал, что «...исторические воззрения Плеханова состоят в утрировке либерально-народнического взгляда на московскую Русь». (Соч., т. 10, стр. 302). Несмотря на это, выяснение исторических взглядов Плеханова, особенно в процессе их развития, представляет несомненный интерес.

Исходя из основных принципов исторического материализма, Плеханов отстаивал положение, что развитие человеческого общества определяется не развитием идей, а материальными условиями жизни общества. В работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» решительно критикуется точка зрения французского историка О. Тьерри, склонного объяснять важнейшие явления истории, в частности происхождение классов и сословий, завоеванием. Плеханов отмечает, что подобное исходное положение, приводит к объяснению

всей общественной жизни деятельностью законодателя, т. е. деятельностью политической власти.

С особой силой критиковал Плеханов идеалистические воззрения русских народников, подчеркивая, что развитие общества, в конечном итоге, определяется развитием производительных сил. Но он преувеличивал влияние географической среды.

Географический фактор в значительной мере положен был Плехановым и в основу его схемы развития русской истории. Однообразие естественных условий Восточно-Европейской равнины и связанное с ним однообразие занятий населения замедляло, по мнению Плеханова, экономическое развитие страны. Преувеличение роли географической среды привело Плеханова в меньшевистский период к недооценке значения классовой борьбы.

Г. В. Плеханов ярко показал коренное отличие исторического материализма от вульгарного экономического материализма. Он решительно выступал против фальсификации марксизма народниками, утверждавшими будто марксисты выводят развитие человеческого общества непосредственно из экономики и не принимают во внимание никаких других факторов.

Разоблачая клевету народников, Плеханов подчеркивал, что экономические условия определяют собой развитие общества не непосредственно, а «в конечном итоге» или, по выражению Энгельса, «в последней инстанции»: «...сказать, что экономическое развитие обуславливает собою «в последней инстанции» все остальные стороны его развития, значит признать,—именно этими тремя словами: «в последней инстанции»,—наличность **многих других промежуточных инстанций**, каждая из которых влияет на все прочие. Таким образом получается... весьма сложная система сил, при исследовании которой «субальская» простота не может ничего дать кроме самых комичных результатов». (т. XVII, стр. 145).

В связи с этим Плеханов подчеркивал активную роль надстройки и ее обратное воздействие на базис, на экономические отношения.

Плеханов отстоял и развил марксистское положение о том, что решающую роль в развитии человеческого общества играют не отдельные выдающиеся личности, не «герои», а народ. Народ является подлинным творцом истории. Это важнейшее положение исторического материализма красной нитью проходит через многие труды Плеханова.

Развитие человеческого общества происходит на основе объективных законов исторического развития, общих для всех народов. Поясняя это положение, Плеханов указывает, что рабство у древних греков возникло и развилось по той же причине,

по которой оно возникало и развивалось в других странах на определенной стадии их общественного развития, и вызвано оно было определенным уровнем развития производительных сил.

В связи с этим он подвергал беспощадной критике народников, проповедывавших теорию «особого пути» развития России, утверждавших, что Россия развивается своим особым путем, отличным от пути, пройденного другими странами, что Россия может миновать стадию капитализма. Народники пытались найти для России какой-то особый закон общественно-го развития, отличный от тех законов, по которым развивались все другие народы.

Но наличие общих законов исторического развития вовсе не исключает особенностей в развитии отдельных стран. «Всякое общество, — писал Плеханов, — живет в своей исторической среде, которая может быть — и действительно часто бывает — очень похожа на историческую среду, окружающую другие народы; но никогда не может быть и никогда не бывает тождественна с нею». («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», 1938, стр. 106).

Именно в связи с этим Плеханов и говорил об «относительном своеобразии» развития России.

В. А. Фомина в работе «Философские взгляды Плеханова» утверждает, что «идея своеобразия» — это идея Чичерина, воспринятая Плехановым и проповедывавшаяся впоследствии Милюковым.

С таким утверждением очень трудно согласиться. Даже в «Истории русской общественной мысли» Плеханов писал: «Русский исторический процесс не отличается абсолютным своеобразием; но нужно быть слепым, чтобы сравнивая его с историческим процессом западных государств, — скажем, Францией — не заметить в нем своеобразия относительного» («История русской общественной мысли», 1914, т. 1, стр. 216).

Таким образом, тезис об «относительном своеобразии» родился в борьбе с теорией «особого пути» развития России. И из этого вовсе нельзя делать вывода, будто Плеханов считал неприменимыми к России общие законы развития человеческого общества.

Марксизм учит, что движущей силой истории является классовая борьба. В марксистский период своей деятельности Плеханов полностью признавал это положение. Правда, он не всегда правильно определял расстановку и соотношение борющихся сил, в частности, не учитывал революционных возможностей русского крестьянства. Все же в принципе он призна-

вал огромное значение классовой борьбы. И история России, по мнению Плеханова, не представляет в этом отношении исключения. Очень четко это положение изложено им в Предисловии ко второму изданию «Манифеста Коммунистической партии». Указывая, что восстание Разина и Пугачева наполняют собой лишь некоторые сравнительно непродолжительные периоды, отделенные один от другого более или менее длительными промежутками, Плеханов подчеркивал, что эти промежутки отнюдь не характеризуются «социальным миром». «Социальная война» не прекращается и в эти промежутки, она только изменяет свой характер, из открытой делается скрытой. «И каждый год, даже каждый месяц, скрытая война то там, то здесь переходила в явную, ограниченную, правда, малым районом; мужики «бунтуют», господа «усмиряют» с помощью находящейся в их распоряжении военной силы. Наши народники были правы, утверждая, что борьба крестьян за землю и волю проходит красной нитью через всю русскую историю. Но что же такое эта борьба за землю и волю, если не классовая борьба с помещиками и государством, в котором распорядились те же помещики?» (т. XI, стр. 303).

Позднее, в меньшевистский период, Плеханов отходит от этих правильных положений. Преуменьшая значение классовой борьбы, он из движущей силы развития общества превращает ее в один из второстепенных факторов истории. Плеханов пытался доказать, что одной из особенностей истории России, вызванной необходимостью обороны от внешних врагов, борьбой за независимость русского государства, является не столько борьба классов, сколько сотрудничество между ними. Больше того, он даже начинает считать крестьянские восстания в России не только бесплодными, но и реакционными, поскольку они не могли привести к созданию нового общественного строя, и так как они, по его мнению, способствовали не ослаблению, а упрочению самодержавия. Несмотря на это, Плеханов даже в материалах к «Истории русской общественной мысли» решительно критиковал Погодина и его последователей, утверждавших, что в истории России якобы не было места для классовой борьбы. (См. том XXIII, стр. 69).

Большой заслугой Плеханова является то, что он по-новому подошел к истории русского революционного движения и положил начало изучению истории рабочего движения в России. Он подчеркивал преемственность в развитии революционного движения в России и указывал, что в лице Радищева и декабристов, Чернышевского и Герцена социал-демократия чит своих предшественников.

Он высоко ценил самоотверженную борьбу Радищева про-

тив царского самодержавия. Плеханов считал Радищева самым ярким представителем освободительных стремлений XVIII века в России. В лице Радищева, говорил Плеханов, мы, может быть, впервые встречаемся с убежденным и последовательным русским революционером из «интеллигенции» (См. соч. т. X, стр. 357).

Горячие симпатии Плеханова-марксиста вызывали декабристы. Их памяти он посвятил специальную речь в день 75-летия восстания. Плеханов характеризовал декабристов, как решительных противников самодержавия и крепостного права. Он отмечал, что они готовы были пожертвовать собой для блага Родины. Объясняя колебания и ошибки руководителей восстания на Сенатской площади, Плеханов указывал, что эти ошибки не связаны с недостатком находчивости, решительности или храбрости у этих блестящих военных людей, полных ума и энергии и умевших без всякой боязни смотреть в глаза смерти. Он объяснял их колебания и нерешительные действия, только тем, что они не верили в непосредственный успех восстания, но сознательно шли на смерть, считая, что их выступление необходимо для пробуждения народа.

Плеханов очень много сделал для выяснения исторической роли великих русских революционеров-демократов Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова.

Будучи первым русским марксистом, Плеханов, естественно, должен был уделить большое внимание изучению истории проникновения марксизма и первым шагам революционного движения рабочего класса России. Этим вопросам посвящены такие его работы, как «Предисловие к речи Алексева», «Русские рабочие в революционном движении», «Предисловие к 4-м речам рабочих».

Плеханов в полной мере оценил большое историческое значение деятельности Северного союза русских рабочих. Он писал: «...Будущий историк революционного движения в России, должен будет отметить тот факт, что в 70-х годах требование политической свободы явилось в **рабочей программе раньше, чем в программах революционной интеллигенции.** Это требование сближало Северно-Русский Рабочий Союз с Западно-Европейскими рабочими партиями и придавало ему социал-демократическую окраску» (т. III, стр. 186).

Одна из важнейших проблем истории каждой страны заключается в правильной, научно обоснованной ее периодизации. Каждому марксисту ясно, что периодизация должна основываться на учении об общественно-экономических формациях. Это одно из коренных положений исторического материализма. Но это положение Плеханов при изучении истории России

полностью игнорировал. В этом вопросе он ни на один шаг не продвинулся дальше буржуазной исторической науки, полностью присоединившись к установленному буржуазными учеными делению истории России на три периода: Киевский, Московский, Петербургский.

При изучении истории России Плеханов фактически отошел от марксистского учения об общественно-экономических формациях. Игнорирование учения об общественно-экономических формациях, о типах производственных отношений, привело Плеханова к глубоко ошибочным, в корне неправильным взглядам на русский исторический процесс.

По представлению Плеханова, история России — это история колебаний от Запада к Востоку и от Востока к Западу. Он отождествлял русское государство с восточными деспотиями. Уже в работе «Новый защитник самодержавия», написанной в 1889 году, Плеханов заявлял, что старая Московская Русь отличалась совершенно азиатским характером, причем он утверждал, что это распространялось как на экономический быт страны, так и на нравы и всю систему государственного управления.

В последующих работах он уходит все дальше по пути отождествления России с восточными деспотиями.

Казалось бы, что Плеханов должен был поставить перед собой и разрешить вопрос о типе производственных отношений, господствовавших на Востоке, о соответствии этих производственных отношений тем, которые существовали на Руси. Но Плеханов не сумел раскрыть сущности так называемого «восточного способа производства», как одной из разновидностей рабовладельческого строя, и поэтому не увидел огромных различий между рабовладельческим Востоком и феодальной Русью. Плеханов, правда, говорил о существовании феодализма на Руси, но и в этом вопросе он не пошел дальше буржуазного ученого проф. Павлова-Сильванского, рассматривавшего феодализм не как систему производственных отношений, а как совокупность определенных юридических институтов. Поэтому Плеханов не разглядел процесса закрепощения крестьянства в X—XII веках и рассматривал крепостное состояние только как правовой институт, установленный государством.

Уже в ранних статьях, опубликованных в 1880—1881 годах, Плеханов высказал мысль о том, что закрепощение крестьянства в России было осуществлено государством.

Правда, в это время он указывал, что государство является организацией господства меньшинства над большинством, что в Русском государстве распоряжались помещики, т. е. в

какой-то мере определял классовый характер государства, но вместе с тем он нередко высказывал и мысль о том, что государство может в равной степени выражать интересы всех классов общества. В меньшевистский период эти неправильные взгляды выросли в целую ошибочную концепцию.

Русское государство становится у Плеханова самостоятельной, надклассовой силой. Он даже забывает о том, что важнейшей функцией всякого эксплуататорского государства является подавление сопротивления эксплуатируемого большинства. Поэтому Плеханов некритически воспринял и полностью присоединился к точке зрения профессора Ключевского, о том, что князь был военным сторожем русской земли. Внешняя функция (неглавная) полностью заслонила собой у Плеханова главную функцию эксплуататорского государства — подавление сопротивления эксплуатируемых народных масс. По теории Плеханова закрепощение крестьянства было осуществлено не помещиками, а государством, причем Плеханов, как и буржуазные ученые, утверждал, что государство закрепило не только крестьян, но и служилое сословие, т. е. феодалов. «Социальная неволя крестьян, — писал Плеханов, — обусловила собой политическую неволю дворянства» («История русской общественной мысли», 1914, т. I, стр. 208).

В соответствии с этим Плеханов развил теорию о том, что в Московской Руси до Петра Первого вся земля принадлежала государству, т. е. якобы была осуществлена национализация земли. Эта историческая «теория» была принята на вооружение меньшевиками и использовалась ими в качестве одного из аргументов против требования большевиков о национализации земли.

Плеханов допускал ошибки и в трактовке отдельных явлений русской истории.

Так, в вопросе об образовании централизованного Русского государства он полностью игнорировал значение экономического развития страны, возникновение и укрепление хозяйственных связей между отдельными ее областями, разложение натурального хозяйства и развитие товарно-денежных отношений, новое соотношение классовых сил. Все причины образования централизованного Русского государства он сводил по существу к одному фактору — необходимости обороны от внешних врагов. Между тем необходимость обороны от внешних врагов только **ускорила** процесс образования централизованного Русского государства, но не она, не этот внешний фактор обусловил ликвидацию феодальной раздробленности.

Можно было бы сделать еще ряд замечаний по поводу понимания Плехановым отдельных явлений русской истории. Но из изложенного видно, в каком направлении развивались взгляды Плеханова. Пример Плеханова ярко свидетельствует о том, что подлинная наука возможна только на основе марксизма-ленинизма: пока Плеханов был марксистом, он высказал многие ценные мысли по истории России; как только он отошел от марксизма он скатился в болото буржуазной идеалистической науки. Подвергая решительной критике ошибки Плеханова, мы ценим тот большой вклад, который Плеханов — марксист внес в развитие русской исторической науки.